

Covenant & Conversation

Jonathan Sacks
THE RABBI SACKS LEGACY

БЕСЕДЫ О НЕДЕЛЬНЫХ ГЛАВАХ ТОРЫ

НА ОСНОВЕ НАСТАВЛЕНИЙ И СТАТЕЙ

РАББИ ЛОРДА ДЖОНАТАНА САКСА, ДА БУДЕТ БЛАГОСЛОВЕННА ПАМЯТЬ О ПРАВЕДНИКЕ

Благодарим семью Шиммель за щедрую спонсорскую поддержку цикла Covenant & Conversation, посвященного памяти Гарри (Хаима) Шиммеля. «Я влюбился в Тору рабби Хаима Шиммеля, едва она впервые попала мне в руки. Ее цель - поведать не только о той истине, которая лежит на поверхности, но и о ее взаимосвязи с более глубокой, заветной истиной. Он и его замечательная жена Анна, прожившие вместе 60 лет, вместе построили жизнь, которая была посвящена любви - любви к семье, к общине и к Торе. Эта необыкновенная супружеская пара неизмеримо растрогала меня, подавая пример того, как нужно жить.» - Рабби Сакс

РЕЭ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО СВЕТЛАНЫ СИЛАКОВОЙ

Мораль, основанная на любви

Изложив общие принципы Завета, Моше переходит к его деталям, занимающим много глав, в том числе несколько недельных глав.

В начале пространного обзора законов, которыми Израиль будет руководствоваться в своей стране, а затем вновь, уже в конце, Моше ставит народ перед судьбоносным выбором.

В нашей недельной главе Моше формулирует его так: «Смотрите же, сегодня я предлагаю вам благословение или проклятие: благословение — если будете внимать заповедям Г-спода, вашего Б-га, которые я передаю вам сегодня, а проклятие — если не послушаете заповедей Г-спода, вашего Б-га, и свернете с пути, который я указываю вам сегодня, и последуете за другими богами, о которых вы и не знали» (Дварим, 11:26–28).

А в конце он формулирует выбор так: «Смотрите, я предлагаю вам сейчас: или жизнь и добро — или смерть и зло <...> Сегодня я призываю в свидетели небеса и землю, [предостерегая] вас: я предложил вам жизнь и смерть, благословение и проклятие. Выберите

жизнь — и тогда вы и ваше потомство будете живы» (Дварим, 30:15, 19).

Маймонид рассматривает эти два фрагмента как доказательство нашей веры в свободу воли (Законы раскаяния, 5:3)¹. Так и есть. Но этим их значение не исчерпывается. В них также содержится политическая программа. Свобода индивида, о которой говорит Маймонид, и коллективный выбор, о котором говорит Моше, взаимосвязаны: если люди свободны, им требуется свободное общество, где они могут пользоваться своей свободой.

Книга Дварим — первая в истории попытка создать свободное общество.

Концепция Моше — глубоко политическая, но в некоем уникальном смысле. Не в смысле стремления к власти, не в смысле отстаивания интересов и самосохранения определенного класса или касты. Политическая — не в смысле воспевания и прославления своей нации, своего государства. За речами Моше не стоит мечта о славе, почете, экспансии или строительстве империи. Ни в одном слове не сквозит национализм в общепринятом значении этого

¹ См.: Рабби Моше бен Маймон. Мишне Тора (Кодекс Маймонида). Книга «Знание». М.: Книжники; Лехаим, 2010. С. 640. — Примеч. перев.

слова. Моше не уверяет людей: «Наш народ — великий».

Он говорит им, что они бунтовали, что они согрешили и дорого заплатились за свое маловерие в эпизоде с лазутчиками: вступление в страну было отсрочено на сорок лет. Моше не победил бы на выборах: лидеры такого сорта, как он, на выборах не побеждают.

Вместо славословий Моше призывает народ к смиренню и ответственному поведению. По сути, он говорит, что наш народ избран Б-гом для великого эксперимента. Сумеет ли мы создать общество, непохожее на Египет и вообще на империи? Общество, не разделенное на правителей и подданных? Сумеет ли мы сохранить верность руке, которая со сверхчеловеческим могуществом направляет наши судьбы с того мгновения, когда я, Моше, впервые предстал перед фараоном и попросил освободить нас? Ибо если мы по-настоящему веруем в Б-га — не в Б-га как абстрактное философское понятие, а в Б-га, Чьим почерком написана наша история, Б-га, Которому у горы Синай мы присягнули на верность, нашего единственного высшего правителя, — то нам по плечу великие дела.

Великие не в расхожем понимании, а в смысле «высоконравственные». Ибо если вся власть, все богатства, все могущество принадлежат Б-гу, то их наличие или отсутствие — не основание для различий между людьми. В Его глазах каждый из нас одинаково драгоценен. Он поручил нам кормить бедняков и приглашать в наш круг сирот и вдов, безземельных левитов и не израильтян-чужеземцев, чтобы они проводили с нами наши праздники и дни отдохновения. Нам заповедано создать справедливое общество, которое чтит человеческое достоинство и свободу.

Моше настаивает на трех принципах. Во-первых, мы свободные люди. Выбор за нами. Благословение или проклятие? Добро или зло? Верность или отступничество? Решайте сами, говорит Моше.

Никто никогда не определял в столь категоричных выражениях свободу не только индивида, но целого народа. То, что мы как индивиды стоим перед нравственным выбором, понять несложно. Перед таким выбором стояли Адам и Хава. И Каин. Выбор — неотделимая часть земного удела человека.

Но когда целому народу объявлено, что он стоит перед выбором, — это нечто новое. Тщетно оправдываться, ссылаясь на свое бессилие, говорит Моше, нет толку уверять: «Мы ничего не могли с собой поделать. Мы были в меньшинстве. Нас разгромили. Виноваты наши лидеры. Виноваты наши враги». Нет, говорит Моше, ваша судьба в ваших руках. Суверенная власть Б-га не снимает ответственности с людей, наоборот, ставит ее во главу угла. Если вы храните верность Б-гу, говорит Моше, то вы одержите верх над империями. Если же вы отступитесь от Б-га, вам больше ничто не поможет — ни могучее войско, ни политические альянсы.

Если вы измените своему уникальному предназначению, если станете поклоняться богам окружающих народов, то сделаетесь такими же, как эти народы. Вас ждет судьба всех малых народов в эпоху сверхдержав. Не вините в своем поражении других людей, слепой случай или невезение. Выбор за вами; ответственность лежит только на вас.

Во-вторых, мы несем коллективную ответственность. Фраза «все евреи ответственны друг за друга» относится к раввинистическому периоду, но сама эта мысль есть уже в Торе. Этот принцип тоже радикально нов. Иудаизму чужда теория, согласно которой историю творят «великие люди», в нем нет ничего похожего на то, что Томас Карлейль назвал «героями и почитанием героев». Судьба Израиля зависит от того ответа, который даст сам Израиль, выбирая путь. Даст весь Израиль — от «глав ваших колен, ваших старейшин и стражей» до ваших «дровосеков и водоносов»².

Из этого принципа возникло американское устойчивое выражение (не имеющее аналога в

² Слегка измененная цитата из Дварим, 29:9-10. — Примеч. перев.

британском политическом лексиконе): «мы, народ».

В отличие от всех других народов Древнего мира и от большинства народов нынешних, народ Завета не полагал, что его судьбу определяют цари, императоры, придворные вельможи или правящая элита. Судьбу народа определяет каждый из нас, проводя в жизнь свои нравственные принципы, и мы — как субъекты нравственного действия — совместно в ответе за общее благо. Именно это подразумевал Майкл Уолцер, когда в своей книге «В тени Б-га: политика в Еврейской Библии» назвал библейский Израиль «почти демократией».

Третий принцип — «Б-гоцентричность» политики. В Древнем мире не существовало подходящего термина, так что Йосеф бен Матитьяу³ был вынужден изобрести свой. Он назвал это «теократией». Однако впоследствии слово «теократия» часто извращали и использовали в неверном значении — «власть духовенства, священнослужителей». В таком смысле Израиль теократией не был.

И здесь тоже приходит на ум американское устойчивое выражение: Израиль был «единой нацией под Б-гом»⁴.

Если концепцию, изложенную в книге Дварим, все-таки выразить одним словом, то это будет не «теократия», а «номократия» — «власть законов, а не людей»⁵.

Библейский Израиль — первый в истории пример попытки создания свободного общества. Правда, речь там шла о свободе не в нашем современном понимании, то есть не о свободе совести. Понятие «свобода совести» возникло в XVII веке в Европе, истерзанной столетием религиозных войн между католиками и протестантами. Свобода совести — попытка найти способ мирного сосуществования людей с разными религиозными убеждениями (в конкретном случае в XVII веке — сосуществования

христиан, хотя и разных конфессий). Библейский Израиль не подсказывал решения этой проблемы.

Зато он подсказал ответы на другие вопросы. Как распределить свободу и ответственность между всеми поровну? Как ограничить полномочия правителей, чтобы они не поработали широкие массы? Имеется в виду не только рабство в буквальном смысле, но и мобилизация рабочих на строительство монументальных зданий или воинов — на войну ради создания империй.

В XIX веке известный историк Актон справедливо заметил, что свобода, понимаемая в этом смысле, родилась в библейском Израиле: «Государство древних евреев представляло собой федерацию, державшуюся не на политическом авторитете власти, а на племенном и религиозном единстве, и основанную не на применении силы, а на добровольном завете с Б-гом <...> Трон опирался на соглашение, и царь не получал вместе с ним права предписывать законы народу, не признающему иного законодателя, кроме Б-га <...> Одержимые духом подвижники, возвращенные под сенью непрерывной череды пророчеств против узурпации и тирании, неизменно призывали помнить, что законы даны небом и стоят выше греховных земных правителей <...> Так библейский народ своим примером проложил пути, аналогичные всем последующим путям обретения свободы»⁶.

Это великолепная, мощная, дерзкая идея. Если наш единственный высший правитель — Б-г, то любая власть людей — власть делегированная, ограниченная, сдерживаемая нравственными правилами.

Евреи первыми поверили, что целый народ способен управлять собой сам в духе свободы и равного достоинства всех людей. Это никак не связано с типом политического устройства (евреи перепробовали все типы — монархию, олигархию, демократию), зато всецело связано

³ Он же Иосиф Флавий (ок. 37 — ок. 100 года н. э.) — древнееврейский историк и военачальник. — *Примеч. перев.*

⁴ Цитата из «Клятвы верности американскому флагу». В изначальном тексте говорилось о «единой нации», расширенная формулировка («единой нации под Богом») появилась в 1954 году. — *Примеч. перев.*

⁵ Фраза английского публициста и политического теоретика Джеймса Гаррингтона (1611–1677). Сама мысль нередко приписывается Аристотелю. — *Примеч. перев.*

⁶ Джон Дальберг-Акстон. История античной свободы / Пер. Ю. Колкера. — *Примеч. перев.*

с идеей коллективной нравственной ответственности.

Евреи пока не осуществили в полной мере эту концепцию, но никогда не переставали ею вдохновляться. Слова Моше и сегодня побуждают нас к усилиям. Б-г дал нам свободу.

Так давайте воспользуемся нашей свободой, чтобы построить справедливое, щедрое, милосердное общество. Б-г не сделает этого за нас. Но Он научил нас, как это сделать. Как сказал Моше, выбор за нами.